

УДК 930.1+303.01

ВИНОГРАДОВ Андрей Иванович, доктор философских наук, доцент, декан факультета истории и социальных наук Мурманского государственного гуманитарного университета. Автор 56 научных публикаций, в т. ч. трех монографий и двух учебных пособий

СОЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ В СВЕТЕ ПРИНЦИПА ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ

В статье описываются методологические процедуры, конкретизирующие принцип дополнительности применительно к социально-гуманитарному познанию. Доказывается, что объекты, изучаемые социальными науками, имеют принципиальное сходство с объектами, изучаемыми квантовой физикой. На примере субъекта истории раскрывается корпускулярно-волновая сущность социального субъекта.

Ключевые слова: *социальный субъект, субъект истории, принцип дополнительности, корпускулярно-волновой дуализм.*

Для любого, кто размышляет о жизни общества — его истории, политике, экономике, вполне очевидно, что в обществе действует множество субъектов. Социальное пространство и время представляют собой пеструю картину, складывающуюся из действий множества участников, по-разному пространственно расположенных и появляющихся на исторической сцене в разное время. Кроме того, и те, кто изучает эту пеструю картину, судят о ней очень разнообразно, в зависимости от своего пространственно-географического положения и того исторического периода, в котором живут, увеличивая тем самым сложность изучаемого предмета. Научное мышление, одним из признаков которого является системность, стре-

мится к упорядочиванию представлений об этой пестрой картине, для чего требуется методологический инструментарий, максимально соответствующий как поставленной задаче, так и самой социальной реальности, с учетом ее человекообразного характера.

Одной из модных методологических тенденций последнего времени стало использование принципа дополнительности, разработанного для объектов, изучаемых квантовой физикой, в социально-гуманитарной сфере. На этот принцип стали часто ссылаться в работах не только по философии, но и по педагогике, психологии, языкознанию и другим наукам. Но, как правило, при его упоминании ограничиваются указанием на то, что согласно

ему могут одновременно приниматься альтернативные представления об объекте изучения, что открывает возможности для «мирного» сосуществования противоположных объяснений одного и того же объекта.

Сужение принципа дополнительности до подобной трактовки, конечно, отражает его сущность, но не позволяет раскрыть значительно бóльшие возможности указанного принципа в объяснении сложных явлений действительности. Недостаточно остановиться на констатации возможности одновременного принятия альтернативных представлений об объекте изучения. Подобное утверждение, вырванное из контекста, рискует превратиться в удобный способ оправдания любых нестыковок в научном знании. Для того чтобы избежать этого, необходимо показать **конкретный механизм сосуществования альтернативных представлений**, порождаемых как бесконечным многообразием свойств изучаемого объекта, так и ограниченностью возможностей его восприятия исследователем. Представляется, что применение принципа дополнительности должно сопровождаться, по крайней мере, тремя уточнениями, которые могли бы повысить эффективность его использования.

Во-первых, для раскрытия механизма применения принципа дополнительности можно использовать аппарат формальной логики. Она демонстрирует, что несовместимые между собой понятия могут находиться в ситуации соподчиненности некоему третьему понятию, сосредоточенность на котором открывает возможность одновременного принятия обоих понятий без отказа от их несовместимости. Это наводит на мысль, что констатация альтернативности тех или иных положений должна сопровождаться поисками такой точки зрения, с которой эти положения выглядели бы соподчиненными. Ведь, в конечном итоге, сам объект, в отношении которого высказываются альтернативные положения, создает единую онтологическую предпосылку для их существования. Противоречия же, имеющиеся в наших представлениях об объектах, по мысли Н. Бора, по-

рождены несовершенством языковых средств их выражения, «трудностями образования человеческих понятий, возникающими из разделения субъекта и объекта» [1, с. 53]. Указание на такое понятие, по отношению к которому несовместимые понятия оказываются соподчиненными, может уберечь от их обособления и хотя бы в какой-то мере компенсировать несовершенство средств выражения наших знаний.

Во-вторых, поскольку в объективной действительности явления, отражаемые в несовместимых понятиях, существуют вместе, взаимодействуя между собой, то совершенно необходимо и в теории показать их взаимодействие. Признание возможности принять взаимоисключающие описания как дополнительные по отношению друг к другу основано не только на нашем желании максимально всесторонне отразить познаваемый мир, но и на объективном единстве этого мира. Раскрытие механизма взаимодействия явлений, отражаемых в несовместимых понятиях, должно способствовать первому и соответствовать второму.

В-третьих, недостаточно ограничиться только свойствами изучаемого объекта, но необходимо учесть также и возможности тех, кто этот объект изучает, а также применяемых при этом средств познания. Согласно Н. Бору, наши знания нельзя рассматривать как отражение независимых свойств объектов (свойств объектов самих по себе) [2, с. 283]. Они представляют собой смесь объективных и субъективных элементов. Неизбежная ущербность взгляда наблюдателя, порождаемая ограниченностью его позиции и невозможностью для него одномоментного нахождения в разных пространственно-временных координатах, с позиций которых он мог бы наблюдать изучаемый объект, диктует необходимость сосуществования различных (в т. ч. альтернативных) взглядов на этот объект. Подобная ущербность взгляда любого наблюдателя заставляет говорить о том, что результаты исследования должны выражаться не только в совокупности данных, полученных относительно объекта исследования, но и обязательно сопровождаться указаниями на то,

с каких позиций эти данные получены. Каждая позиция отражает определенный ракурс изучаемого объекта, детерминированный пространственно-временным положением того, кто данный объект изучает. Ни один из ракурсов, в силу своей односторонности и ограниченности, не в состоянии обеспечить полноту информации об объекте. Но, взятые все вместе, они обеспечивают значительно более общее видение объекта. И если разные ракурсы при этом дают противоречащие друг другу картинки, то такая противоречивость не должна становиться препятствием на пути их использования для целей познания.

Попробуем с точки зрения описанных методологических приемов взглянуть на проблему социальных субъектов, рассматривая последних в ракурсе их участия в историческом процессе, взятых как субъекты истории. Как уже отмечалось в начале, жизнь общества предстает перед нами как сложная, зачастую противоречивая, картина взаимодействия множества участников этого процесса: люди, страны, партии, классы и т. п. переплетены в нем между собой. Кто-то из участников объединяется друг с другом, а кто-то враждует. При этом очевидно, что степень участия разных людей в истории значительно различается между собой. Очевидно также, что объединения людей, начиная с семьи и заканчивая человечеством в целом, носят очень разнообразный характер, плюс те задачи, которые они призваны выполнять, неодинаковы. Но отвлечение от всего этого разнообразия позволяет понять, что при рассмотрении истории можно сосредоточиться либо на роли, которую в ней играют отдельные люди, либо на роли групп людей, формирующихся по тому или иному признаку. Таким образом, мы оказываемся перед двумя понятиями, при помощи которых в течение уже нескольких веков происходит осмысление наиболее важных проблем не только философии истории, но и социальной философии в целом. Это противоречивое единство связки «человек–общество», содержащей ключ ко всему множеству как философских, так и связанных с ними конкретно-научных проблем.

Попутно заметим, что подобное разделение уже грешит односторонностью. Оно чревато, с одной стороны, преувеличением исторической роли отдельных личностей, с другой – пониманием социальных структур как бездушных и однородных механизмов. И то и другое не раз имело место в ходе осмысления истории. Но возможность возникновения перегибов не отрицает эвристического значения самого принципа выделения в истории людей и их групп. Совершенно бесспорно и то, что личность по своей природе социальна, и то, что социальные интересы проявляются через деятельность конкретных людей. Однако мы не сможем познать единый в своем протекании поток реальности, если не применим к нему операцию анализа и не разделим его, хотя бы мысленно, на составные части для того, чтобы иметь возможность их внимательно рассмотреть. По сути исследователь при этом сосредоточивает свое внимание на условно выделенных фрагментах реальности и формулирует применительно к ним понятия, содержащие существенные свойства этих изолированных фрагментов, отражая в них те признаки, которые позволяют отличить данный предмет от всех остальных. Подобный искусственный разрыв реальности, необходимый в качестве этапа научного познания, может приводить (и зачастую приводит) к тому, что вырабатываются понятия, имеющие несовместимые признаки. Видимо, так обстоит дело и с познанием субъектов истории. Необходимость принципиального выделения участников единого в своем реальном протекании исторического процесса приводит к тому, что в характеристиках отдельных людей и социальных образований появляются взаимоисключающие черты, служащие в качестве основы для их выделения. Попробуем, не претендуя на завершенность, в самом общем виде перечислить эти черты.

Отдельно рассматриваемый человек, в силу его телесной обособленности, олицетворяет собой относительно постоянный и стабильный элемент истории. Его существование позволяет существовать всем остальным возможным

субъектам. Он – предпосылка истории. Поэтому человеческая индивидуальность представляет собой носителя первичных исторических свойств. Такая индивидуальность – это первичная «частица» исторического процесса. Все остальные возможные субъекты истории – результат взаимоотношений между людьми. Естественно, что «отдельным» человек может быть только абстрактно. Конкретный человек и формируется различными социальными общностями и всегда включен в них. Но он – далее неделимый элемент этих общностей, как атом в античном смысле слова.

Все социальные общности, действующие в истории, образуются из людей, и поэтому имеют «вторичную» субъектность. Они не столь постоянны и определены, как человек. Но представляют собой явления куматоидного типа. Так, человек, являясь членом семьи, не может находиться всегда с другими членами своей семьи, но его тело пребывает с ним постоянно. Семья то собирается вместе (например, за ужином), демонстрируя подобие материального единства, то распадается (например, ее члены уходят на работу), обнаруживая, что она представляет собой не столько материальное единство, сколько отношения между ее членами. Таким образом, принадлежность человека к социальным общностям, в отличие от принадлежности к своему телу, характеризуется преимущественно не материальными, а идеальными факторами. Человек принадлежит к определенной социальной группе на основании как своего представления, так и представлений других людей. (Конечно, материальная сторона социальных отношений имеет большое значение, но все-таки предмет делает чьей-либо собственностью не его материальная сущность, а отношения людей по его поводу). Наконец, свойства социальных групп, в отличие от человека, имеют собирательный характер и не могут совпадать со свойствами каждого отдельного ее участника целиком.

Итак, среди всех возможных субъектов истории (и социальных субъектов в целом) вы-

деляются два принципиальных типа, характеризующихся несовместимыми признаками, но в то же время существующих одновременно: человеческие личности и социальные образования. Для объяснения поведения и взаимодействия этих двух принципиально отличающихся участников исторического процесса, на наш взгляд, и удобна аналогия с объектами, изучаемыми квантовой механикой и описываемыми в понятиях корпускулярно-волнового дуализма. Человеческая индивидуальность, как нечто относительно стабильное, характеризующееся четко выраженной материальной стороной, однозначно позиционированной во времени и пространстве, может быть соотнесена с частицей, а социальные общности, как изменчивые и образующиеся из отношений индивидуальностей, представляющие собой их взаимосвязи, – с волной. Эти явления (частица и волна) описываются принципиально разными характеристиками.

Человек в качестве «частицы» исторического процесса ярко проявляется в своих пространственно-временных характеристиках. Будучи биологическим существом, человек всегда локализован во времени и пространстве, он достаточно четко ограничен ими. Социальные образования, в большинстве своем, не имеют такой четкой локализации. Исключение составляют территориальные образования: государства, области, населенные пункты и т. п. Их существование предполагает пространственную определенность. Однако пространственные границы территориальных образований иногда резко меняются (например, расширение границ городов за счет включения в них пригородов). А временные границы существования этих образований вообще неопределенны: если при рождении человека предполагается, что он проживет несколько десятилетий, то при создании территориальных образований их исчезновение в сколько-нибудь определенном будущем, как правило, не предполагается.

Выделяя людей и их социальные образования из общего потока истории, мы оказываемся перед принципиально различными типами

реальности. Действие конкретного человека в истории, рассматриваемое со стороны его отдельности, вне каких-либо социальных образований, всегда представляет собой явление, не объяснимое вне связи с другими людьми. Например, человек издает звуки голосом или пишет, он производит выстрел из оружия или прикрывает собой другого человека от подобного выстрела – в каждом из этих и им подобных случаев мы имеем дело с физической реальностью и усилиями человека, который в ней что-то совершает. Причины этих действий при этом останутся вне нашего понимания.

Но как только мы переходим к рассмотрению истории через призму социальных образований, то в центре нашего внимания оказываются отношения между людьми. Соответственно этому и все физические действия человека приобретают определенный социальный смысл. Например, человек говорит или пишет потому, что он хочет с помощью этого как-то повлиять на других людей, убедить их в своем мнении, он производит выстрел из оружия потому, что он хочет отомстить за смерть своего родственника или прикрывает собой другого человека от подобного выстрела, потому что любит его. Человек здесь действует под влиянием своего отношения к другим людям и своими действиями изменяет состояние окружающей его среды, а волна и представляет собой «изменения состояния среды (возмущения), распространяющиеся в этой среде и несущие с собой энергию» [3, с. 5]. Межличностная природа действия человека, рассматриваемого с социальной точки зрения, раскрывает волновую сущность социальных образований. Главную роль в них, как и в любых волновых процессах, играет перенос энергии, происходящий через взаимодействие людей. С одной стороны, волна существует в некоей среде, в которой распространяется, среде, состоящей из материальных частиц (например, волны могут быть на воде, молоке, в земной коре). С другой стороны, ее сущность заключается не в этих частицах, а в том, что через них передается импульс. Волна переносит преимущественно не частицы вещества, а

передает энергию между частицами (перенос частиц может быть побочным следствием переноса энергии). «Основные свойства волн, независимо от их природы, проявляются в том, что при волновом движении осуществляется перенос энергии без переноса вещества» [3, с. 7].

Таким образом, и частицы, и волны, при наличии у них несовместимых характеристик, неразрывно связаны между собой. В соответствии со сформулированными выше положениями, которые направлены на конкретизацию принципа дополненности, мы можем указать на их общую основу. Применительно к истории: и отдельные люди, и социальные образования, будучи несовместимыми понятиями, находятся при этом в отношениях соподчиненности родовому для них понятию «субъект истории». Это показывает, что их противоположность не абсолютна, но сопровождается наличием общего свойства – «быть участником исторического процесса» (применительно к социальным субъектам вообще – «быть участником жизни общества»).

Участие людей в любых социальных образованиях можно представить в виде восприятия ими энергетических импульсов, идущих от одних людей, и дальнейшей передачи импульсов другим людям. Такая энергия может быть выражена в эмоциях, побуждении людей к действию, физическом воздействии на них и т. п. Каждый человек испытывает на себе воздействие со стороны общества (иных людей) и как-то реагирует на него. Конечно, эта реакция не всегда выражается в виде внешнего действия. Иногда – в виде внутреннего переживания человеком воспринятой информации. Но и при этом волновая природа общества (передача в нем энергии) дает о себе знать: человек испытывает потребность поделиться своими переживаниями по поводу затрагивающих его событий с другими людьми. Когда однотипные реакции испытывает группа людей, то амплитуда «волны» значительно усиливается. При охвате большого количества людей и высокой амплитуде реагирования можно говорить о социальном резонансе.

Взаимодействие человека и общества в реальном процессе их жизнедеятельности корпускулярно-волнового дуализма по большей части открыто не демонстрирует. Еще раз подчеркну, что описанным выше образом ситуация выглядит, если попытаться разять участников единого исторического процесса на различные типы и рассматривать их по отдельности. В объективно протекающем процессе истории противоположные характеристики, существующие у его участников, очевидным образом обнаруживаются лишь в те моменты, когда возникает расхождение между действиями человека и его социальными отношениями. В каждой из социальных структур, в которую входит человек, он, как частица, колеблется с определенной частотой, принимая и передавая импульсы между другими, входящими в эти структуры людьми. Как правило, в каждой из таких структур амплитуда колебаний имеет стандартные границы значений, а колебания в этих границах воспринимаются как норма. Человек сам идентифицирует себя (а другие идентифицируют его) через принадлежность к этой социальной структуре.

Но в те моменты, когда возникает расхождение между оказывающимися на человека воздействиями со стороны социальных структур и его собственными представлениями (ожиданиями, устремлениями и т. п.), он ощущает свою обособленность от этих структур, а иногда даже противостояние им. Стойкое переживание подобных расхождений многими людьми может создать волну, противостоящую той, что идет от социальных структур в стандартной ситуации. Между этими волнами возникает интерференция, что и проявляется в реальной жизни в виде социальных волнений.

И, наконец, надо сказать о влиянии позиции исследователя на результаты исследования. Наблюдая за колебательными движениями, мы видим частицы, которые могут восприниматься по-разному, в зависимости от пространственно-временной позиции наблюдателя. Зависимость восприятия этих колебаний от точки зре-

ния наблюдателя можно проиллюстрировать на следующем примере. Если мы наблюдаем за условно выбранной частицей, участвующей в волне, в вертикальной плоскости (сбоку), то мы увидим, как она движется преимущественно вверх и вниз. Если наблюдаем в горизонтальной плоскости (сверху), тогда частица будет оказываться то ближе к нам, то дальше от нас. Если мы наблюдаем в момент начала возникновения импульса, то амплитуда движения будет одной, если в момент затухания – совсем другой. Движение в действительности одно, но воспринимается оно по-разному. Аналогичная ситуация возникает и при описании поведения субъектов истории. Позиция наблюдателя, принадлежащего к той же социальной группе, что и наблюдаемый субъект, заставляет воспринять его реакцию на социальный импульс сочувственно. Другие позиции этого не предполагают, они могут порождать принципиально различные оценки, вплоть до осуждения реакции субъекта. Не вызывает сомнений и изменение оценок деятельности социальных субъектов в разные исторические периоды: каждая эпоха формирует собственное представление о прошлом.

Итак, можно сказать, что картина достаточно сложная, но не безнадежно запутанная. Последовательное применение принципа дополнительности к познанию социальных субъектов позволяет решить ряд проблем. Такое применение показывает возможность выделения принципиальной пары субъектов, обладающих несовместимыми признаками и в то же время одновременно отражающих объективную реальность, закрепляемую в понятии «социальный субъект». Существование социальных субъектов в реальном процессе жизни общества протекает в непрерывном взаимодействии. В основе их взаимодействия лежит механизм корпускулярно-волнового дуализма, вероятно, присущий всем явлениям действительности, но впервые описанный квантовой физикой, а восприятие и, соответственно, понимание социальных субъектов во многом зависит от позиции наблюдателя.

Список литературы

1. Бор Н. Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории // Избр. науч. тр. Т. 2. М., 1970. С. 30–53.
2. Бор Н. Философия естествознания и культуры народов // Избр. науч. тр. Т. 2. М., 1970. С. 280–288.
3. Кравченко И.Т. Теория волновых процессов. Минск, 1985. 237 с.

References

1. Bor N. Kvantovyy postulat i noveyshee razvitie atomnoy teorii [Quantum Postulate and the Latest Development of the Atomic Theory]. *Izbrannye nauchnye trudy* [Selected Works], vol. 2. Moscow, 1970, pp. 30–53.
2. Bor N. Filosofiya estestvoznaniya i kul'tury narodov [Philosophy of Natural History and Culture of Peoples]. *Izbrannye nauchnye trudy* [Selected Works], vol. 2. Moscow, 1970, pp. 280–288.
3. Kravchenko I.T. *Teoriya volnovykh protsessov* [The Theory of Wave Processes]. Minsk, 1985. 237 p.

Vinogradov Andrey Ivanovich

Faculty of History and Social Sciences,
Murmansk State Humanities University (Murmansk, Russia)

SOCIAL SUBJECT IN THE LIGHT OF THE PRINCIPLE OF COMPLEMENTARITY

The article describes methodological procedures that help apply the principle of complementarity to socio-humanitarian cognition. The objects studied by social sciences prove to bear fundamental similarities with the objects studied by quantum physics. Taking a subject of history as an example, the author reveals the wave-particle essence of the social subject.

Keywords: *social subject, subject of history, principle of complementarity, wave-particle duality.*

Контактная информация:

адрес: 183720, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15;

e-mail: andvinogradov00@mail.ru

Рецензент – Дрегалю А.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления института экономики и управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова